
Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве

Карпова А.В., инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

Михайлова Ю.А., кандидат психологических наук, старший инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, старший лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

Чижова Д.С., кандидат психологических наук, старший инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления, Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, старший лейтенант юстиции, Москва, Россия (tku-psy@yandex.ru)

В статье рассматриваются проблемы оценки качества, надежности и достоверности показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Представлена разработанная авторами схема психологического анализа показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, основанная на исследованиях и опыте, как зарубежных, так и отечественных специалистов и экспертов. Практика психологического сопровождения расследования преступлений психологами Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации показала, что психологический анализ показаний наиболее востребован в двух случаях: при необходимости быстрой оценки показаний несовершеннолетних для принятия неотложных процессуальных решений и при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, когда показания ребенка являются ключевым доказательством. В статье приведены примеры использования данной схемы анализа при расследовании конкретных уголовных дел и рассмотрении материалов доследственных проверок.

Ключевые слова: юридическая психология, детская юридическая психология, психология показаний; следственная практика; несовершеннолетние участники

уголовного судопроизводства; психологическое сопровождение расследования преступлений.

Для цитаты:

Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019(9). № 4. С. 174-186.

doi: 10.17759/psylaw.2019090413

For citation:

Karpova A.V., Mikhaylova Yu.A., Chizhova D.S. Possibilities of a psychological analysis of the testimonies of juvenile witnesses and victims in criminal proceedings. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.174-186. doi: 10.17759/psylaw.2019090413

Споры о том, можно ли доверять показаниям несовершеннолетних, ведутся с начала XX века. За последние пятьдесят лет в юридической психологии проведено достаточно много исследований, посвященных точности, надежности и достоверности детских показаний. Также активно развивались методы судебной психолого-психиатрической экспертизы способности несовершеннолетних давать показания.

На сегодняшний день в отечественной практике экспертиза отвечает на вопрос о потенциальной способности ребенка правильно воспринимать события, имеющие значение для расследования, и давать о них показания. При этом в настоящее время в рамках судебной психолого-психиатрической экспертизы не анализируются качество и содержание показаний, а также возможные источники искажений и посторонние влияния. Нерешенным остается вопрос о том, какова вероятность искажений, привнесений и влияния внушающего воздействия на содержание конкретных показаний ребенка.

Таким образом, психологический анализ показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства становится на сегодняшний день одним из наиболее востребованных практических направлений юридической психологии.

Исходя из практики работы психологов Следственного комитета Российской Федерации, необходимость в проведении анализа показаний чаще всего возникает в двух случаях. Во-первых, когда показания ребенка являются ключевым доказательством по уголовному делу. Часто данная ситуация возникает в ситуации расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Во-вторых, когда необходимо быстро оценить, является ли информация, предоставляемая несовершеннолетним, достаточно надежной. Например, при расследовании безвестного исчезновения малолетнего нередко возникают ситуации, когда, желая помочь следствию, несовершеннолетние свидетели сообщают самую разную, зачастую противоречивую, информацию о пропавшем.

Практика психологического сопровождения расследований показала необходимость разработки методов оценки качества, надежности и достоверности конкретных показаний несовершеннолетнего. Разрабатывая подход к анализу показаний несовершеннолетних, мы обратились к зарубежному опыту. Разработка схем психологического анализа показаний несовершеннолетних восходит к «гипотезе Ундойча». В соответствии с этой гипотезой свидетельские показания, основанные на реально пережитом опыте, качественно и по содержанию отличаются от сфабрикованных или основанных на заблуждении.

Впоследствии М. Steller и G. Köhnken, систематизировав проведенные исследования, сформировали список из 19 «признаков реальности», которые легли в основу исследовательской оценочной процедуры «Criteria Based Content Analysis» (CBCA, «критериальный контент-анализ»). Данная оценочная процедура, в свою очередь, является центральной в методе оценки валидности утверждений (ОВУ).

Наиболее развернутая схема анализа показаний несовершеннолетних представлена в работах швейцарских авторов (R. Ludewiq, S. Baumer, D. Tavor). Они предлагают сложную схему экспертизы показаний несовершеннолетних, включающую в себя критериальный контент-анализ, дополненный целым рядом аналитических процедур (структурный анализ, сравнительный анализ, анализ возникновения и развития показаний etc). Поскольку данный метод является экспертным, он ограничен жесткими требованиями к качеству анализируемого материала. Ключевым вопросом экспертизы является выяснение, насколько вероятно то, что определенное лицо со своими индивидуальными особенностями при соответствующих ограничениях могло бы выдумать показания предъявленного качества, не являясь свидетелем события.

В отечественной юридической психологии также проводились исследования, направленные на выделение критериев психологической достоверности показаний. Например, О.Д. Ситковская рассматривала проблему психологической оценки достоверности показаний свидетелей. Она ввела понятие психологических признаков достоверности показаний.

Наша практика психологического сопровождения следственных действий с участием несовершеннолетних показала, что наиболее эффективным в вопросах оценки качества показаний является комплексный подход, включающий анализ материалов уголовного дела (доследственной проверки), очное психологическое обследование ребенка, а также дополнительный сбор информации от законных представителей и других лиц.

В зависимости от задач анализа используемая схема может варьироваться, включая в себя основные блоки:

- анализ индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, оценка «потенциала воображения свидетеля»;
- анализ показаний на основе признаков реальности;
- структурное сравнение, сравнение качества показаний по существу уголовного дела и по нейтральным аспектам;
- анализ постоянства показаний;

- выявление возможных источников ошибок;
- анализ возникновения показаний и их развитие;
- мотивационный анализ (выявление мотивации оговора);
- динамика поведения на следственных действиях;
- взаимодействие с законным представителем.

1. Анализ индивидуальных особенностей несовершеннолетнего

Данный блок раскрывает когнитивные возможности несовершеннолетнего. К ним относятся не только уровень развития его познавательной сферы и речи, но и степень влияния индивидуальных психологических защит, эмоционального реагирования и состояния, отношения к криминальной ситуации и ситуации процессуальных и непроцессуальных мероприятий на способность воспринимать и воспроизводить информацию.

Так, например, в работе по уголовному делу, возбужденному по факту демонстрации неустановленным мужчиной своих половых органов несовершеннолетней, девушка с высоким уровнем развития познавательных функций была настолько напряжена и взволнована необходимостью вспомнить обстоятельства преступления и внешность преступника для составления субъективного портрета, что большая часть беседы была направлена на снятие травматических последствий деликта. Высокий уровень тревожности, тенденция к отсроченному аффекту, эмоциональная чувствительность оказали дезорганизующее воздействие на возможность давать показания, а также привели к защитной изоляции воспоминаний о внешности преступника.

К этому же блоку относятся возрастные особенности несовершеннолетних, такие как возможность перекодировки визуальных образов в вербальные, сформированность понятий множества и абстрактных понятий, а также осведомленность о половых отношениях.

Например, дети дошкольного и младшего школьного возраста, дающие показания по уголовным делам по фактам пролонгированного сексуального злоупотребления, на вопрос о количестве эпизодов насилия могут говорить: «сто, нет, двести раз». В данном случае мы имеем дело с возрастными особенностями восприятия числа, т.е. ребенок не пытается ввести нас в заблуждение, а выражает субъективное понимание чрезмерности и многократности преступлений.

Данный блок анализа опирается, в первую очередь, на результаты экспресс-диагностики, проводимой психологом в ходе беседы с ребенком, а также на результаты судебной психолого-психиатрической экспертизы. Экспресс-диагностика индивидуальных особенностей ребенка в ходе психологического сопровождения следственных действий осуществляется методом наблюдения и проведения структурированного интервью. При необходимости отдельные аспекты могут быть исследованы с применением различных методик психологической диагностики (оценка понимания речи, уровня внушаемости, зависимости от окружения), в том числе проективных методов для оценки личностных черт и особенностей взаимоотношений в семье.

В своей практике мы используем понятие «потенциал воображения свидетеля». Данное понятие введено в швейцарском подходе к анализу показаний несовершеннолетних и означает соотношение уровня познавательного развития ребенка, его когнитивного стиля, развитости воображения и фантазии и когнитивной сложности данных им показаний. Говоря о потенциале воображения свидетеля, мы отвечаем на вопрос: мог ли ребенок с имеющимися у него особенностями придумать то, о чем он рассказал, не имея реального опыта переживания описанных событий. Так, при анализе показаний детей, отстающих в развитии, зачастую мы можем констатировать тот факт, что когнитивные ограничения не позволили бы им сконструировать те показания, которые они дали, без опоры на реальный опыт.

2. Анализ показаний на основе признаков реальности

Анализ показаний на основе признаков реальности проводится с помощью методики оценки валидности утверждений (ОВУ), которая наиболее полно на русском языке описана в книге О. Фрая «Ложь: три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи». Критериальный контент-анализ может проводиться с использованием балльных систем, но существуют разные подходы к количественной оценке признаков реальности. До сих пор нет единого мнения о предпочтительном варианте подсчета, и наибольшие трудности возникают с определением относительной значимости каждого из критериев. В связи с этим мы используем данный метод исключительно в формате качественного анализа свободного рассказа ребенка.

Для получения свободного рассказа несовершеннолетнего представляется необходимым внедрение в практику расследований преступлений с участием несовершеннолетних протокола следственного опроса Национального института здоровья и развития человека (NICHD), который создает условия для получения наиболее полных и неискаженных показаний ребенка.

Применение методики оценки валидности утверждений ограничивается тем, что в ряде случаев из-за возрастных и индивидуальных особенностей ребенка не представляется возможным получить полноценный свободный рассказ о событиях преступления. В таком случае с рядом ограничений возможно применение данного подхода для анализа информации, полученной путем структурированного опроса ребенка.

В нашей практике наиболее информативными показали себя общие характеристики анализа: логическая структура, неструктурированное изложение информации, количество подробностей. В случае, если показания не основаны на реальном опыте, возраст ребенка будет оказывать наиболее сильное влияние на логическую структуру: чем младше ребенок, тем больше логических несостыковок будет в рассказе. К примеру, малолетняя говорит, что отец избивает мать. На уточняющий вопрос, как он это делает, девочка рычит и изображает царапающееся животное. При дальнейших расспросах признается, что не знает, как именно он ее избивает.

Одним из примеров логического несоответствия является ситуация, когда описываемое ребенком поведение участников событий не соответствует естественной психологической логике. Так, малолетний рассказывает, что после однократно совершенного в отношении него сексуального насилия он отправился к соседке играть в игровую приставку и есть чипсы. Малолетняя потерпевшая сообщает, что стала звонить

родителям, оставаясь на месте преступления рядом с преступником, а не поднялась на один пролет вверх по лестнице до своей квартиры, где в тот момент находились ее старший брат и бабушка.

Одним из критериев показаний, не основанных на реальных событиях, является неспособность отойти в описании от последовательной структуры изложения. Уточняющие вопросы, возвращающие ребенка к разным временным отрезкам события, вызывают реакции раздражения и злости. Часто для ответа на уточняющий вопрос ребенок вынужден вернуться к пересказу целого фрагмента показаний.

Стоит отметить, что одним из значимых признаков, свидетельствующих о том, что показания ребенка основаны на реальном опыте, является наличие в показаниях точно воспроизведенных, но неверно истолкованных деталей. Так, пятилетняя потерпевшая, находящаяся в больнице после изнасилования, сообщает о том, что «дед бил в живот ножом». При этом девочка верно демонстрирует локализацию, направление и фрикционный характер движений. Таким образом малолетняя трактует непонятные ей действия насильника, исходя из имеющегося у нее опыта. Трехлетняя девочка на рисунке отца схематически изображает половой орган и тестикулы, при этом поясняет, что «у папы три писи».

3. Структурное сравнение, сравнение качества показаний по существу уголовного дела и по нейтральным аспектам

Для проведения структурного сравнения необходимо получить свободный рассказ ребенка на нейтральную тему. Этой цели может служить тренинг эпизодической памяти, входящий в состав протокола NICHD. Рассказ ребенка на свободную тему дает представление об особенностях его речи, богатстве или бедности словарного запаса, сложности построения фраз, возможности самостоятельного развернутого описания.

Резкое изменение речевых характеристик в сторону улучшения или ухудшения качества рассказа о событиях преступления по сравнению с рассказом о нейтральных событиях может служить признаком подготовленности показаний как в результате установочного поведения, так и в результате конструирования и фантазирования. К примеру, ребенок дошкольного возраста использует в описании криминальной ситуации речевые конструкции и термины, не характерные для его возрастного периода, при этом он не может дать свободный рассказ о нейтральных событиях без организующей помощи взрослого. Либо ребенок достаточно свободно и подробно рассказывает о нейтральных событиях, но не способен описать обстоятельства совершенного в отношении него преступления, не может ответить на уточняющие вопросы, где и при каких условиях это происходило.

4. Анализ постоянства показаний

При наличии показаний, данных в разное время, их сравнение является важным источником выявления искажения и неточностей.

Существует ожидаемая изменяемость показаний, связанная с естественными процессами забывания. Однако дословная повторяемость показаний может свидетельствовать об их подготовленности. При этом основное содержание событий, последовательность действий, участники события, условия освещенности не должны

изменяться. Одним из часто встречающихся признаков в показаниях, не основанных на реальном опыте, являются изменения последовательности событий.

Важно отметить, что при сравнении показаний надо с осторожностью относиться к содержанию протоколов, если мы не уверены, что в них дословно отражены показания ребенка. Качественный анализ постоянства показаний возможен при условии дословного протоколирования или видеозаписи следственных действий.

5. Выявление возможных источников ошибок

Данный блок включает в себя анализ события, о котором несовершеннолетний дает показания. Необходимо проанализировать следующие факторы: перцептивную сложность ситуации (освещенность, удаленность, ракурс и длительность восприятия), когнитивную сложность ситуации (количество элементов, превышающих объем внимания, наличие в ситуации сложных причинно-следственных связей), эмоционально-личностная значимость для человека, стрессогенность вплоть до субъективного ощущения угрозы жизни, новизну ситуации и соответствие имеющемуся опыту.

Так, например, у малолетних потерпевших, переживших вооруженное нападение на школу в городе Перми в 2018 г., отмечались многочисленные искажения показаний, связанные с тем, что ситуация восприятия характеризовалась крайней внезапностью, стрессогенностью, угрозой жизни, новизной и сложностью (большое количество людей, хаотичные передвижения).

Малолетние или потерпевшие с отставаниями в развитии, не имеющие представления о половом акте, часто описывают изнасилование как проникновение или избиение палкой или ножом. Данное искажение происходит из-за замещения непонятных для потерпевших действий или обстоятельств на наиболее похожие представления, имеющиеся в их опыте.

6. Анализ возникновения показаний и их развитие

Данный блок очень важен и информативен в анализе показаний в целом, особенно в тех случаях, когда сообщение о преступлении происходит отсрочено либо когда потерпевший сообщает о продолжительных систематических противоправных действиях в его отношении. Анализ возникновения показаний раскрывает наличие признаков внушающего воздействия (особенно косвенного), мотивации оговора, а также выявляет несоответствие психологической логике поведения участников деликта.

Для анализа истории возникновения показаний необходимо получить полное представление о том, кому, когда и при каких обстоятельствах стало известно о преступлении, каково отношение близких потерпевшего к произошедшему, какие действия предпринимались потерпевшим и его близкими в связи с обнаружением информации о преступлении. К сожалению, в существующей следственной практике данный аспект часто остается без должного внимания, в связи с чем при отсутствии указанной информации необходимо опросить законного представителя и/или человека, которому ребенок сообщил (намекнул) о преступлении. Дополнительно должны быть проанализированы методы опросов, которым подвергался потерпевший, и содержание бесед о криминальной ситуации с законными представителями, медицинскими и социальными работниками и другими специалистами.

Например, малолетний потерпевший сообщал, что в отношении него неоднократно совершались иные действия сексуального характера. В допросе он говорит, что друзья матери засовывали ему в «попу половой член», при этом «недосовывали» его так, что ему не было больно. В беседе с опекуном удалось установить, что после проведения судебно-медицинской экспертизы она в частном порядке спросила у эксперта в присутствии малолетнего, имеются ли у ребенка повреждения. На что эксперт ответила, что повреждений нет, но также сообщила, что «в последнее время педофилы стали очень хитрые и часто специально недосовывают половой член, чтобы не нанести повреждений».

В первую очередь необходимо ориентироваться на объяснимость причин сообщения о деликте, а также реакции всех участников на ситуацию раскрытия информации о преступлении. Признаками возможного искажения являются неясность и неопределенность ситуации, в которой стало известно о преступлении, отсутствие описания конкретных событий, несоответствие поведенческих реакций потерпевшего и его родных психологической логике, их базовым личностным чертам и привычным паттернам поведения. Особое внимание надо обратить на те случаи, когда законные представители имели ничем не обоснованные подозрения о деликте и систематически расспрашивали малолетнего о возможном сексуальном насилии, поскольку данная ситуация оказывает очень сильное косвенное внушающее воздействие на ребенка.

В случае сообщения о реальном событии должны быть понятны психологические причины того, почему ребенок не сообщал о преступлении ранее и почему сообщил сейчас. Примером такого раскрытия информации о преступлении спустя длительное время после деликта может служить следующая ситуация. Малолетняя девяти лет, читая с матерью книгу о половом воспитании, соответствующую ее возрасту, увидела картинку, схематически изображающую половой акт, и сообщила матери, что «мы так же с дедушкой делали». Выяснилось, что данный факт имел место три года назад, когда девочка близко общалась с дедушкой, и в тот период она не сообщила о преступлении, поскольку сохранение тайны было условием сохранения хороших отношений с дедушкой.

7. Мотивационный анализ (выявление мотивации оговора)

В большинстве случаев мотивационный анализ требует проведения дополнительного психологического обследования. В зависимости от ситуации необходимо исследовать сферу отношений в семье, в коллективе сверстников, а также сферу ценностных ориентаций и эмоционально-личностную зрелость. Полезно исследовать отношение ребенка к ситуации расследования, его представление о справедливом наказании преступника. Задачей мотивационного анализа является выявление признаков мотивации оговора: материальная выгода потерпевшего или законного представителя, сильная обида и желание наказать, стремление избежать наказания со стороны обвиняемого, ревность. В ряде случаев подростки осознанно идут на оговор в преступлениях сексуального характера человека, систематически подвергающего их психологическому, эмоциональному или физическому насилию. Многие девушки-подростки, стремясь прекратить оскорбления, унижения и другие формы эмоционального насилия, осознанно идут на оговор отца или отчима в сексуальном злоупотреблении. В настоящее время в сети Интернет и СМИ достаточно легко найти информацию, позволяющую наиболее эффективно обвинить кого-либо в сексуальном насилии.

Отдельную категорию представляют собой уголовные дела или материалы доследственных проверок, возникающие на фоне конфликтной ситуации бракоразводного процесса. В данном случае требуется особо тщательный мотивационный анализ ситуации возникновения показаний потерпевшего и его законных представителей. Здесь мы можем наблюдать весь спектр искажений – от осознанного оговора с целью получения материальной выгоды до неосознанного желания несовершеннолетнего поддержать одного из родителей. Возможна и обратная ситуация, когда ребенок, поддерживая значимого близкого, отказывается от дачи показаний о совершенном преступлении.

В случае, если в поведении ребенка мы наблюдаем признаки мотивационного конфликта, необходимо тщательно исследовать источники его возникновения.

8. Динамика поведения на следственных действиях.

Анализ поведения несовершеннолетнего в ходе следственных действий позволяет выявлять признаки искажения или сокрытия информации. Наблюдая и анализируя поведение ребенка в ходе следственного действия либо беседы, мы можем заметить признаки внутреннего конфликта, отражающего столкновение противоположных мотивационных направленностей. Спротивление установлению контакта, не имеющее под собой каких-то объективных причин, во многих случаях может свидетельствовать о нежелании говорить правду. Часто такая ситуация может возникать, если ранее ребенок по каким-либо причинам сообщил недостоверную информацию и теперь боится или стесняется в этом признаться.

Например, девятилетний мальчик, ранее обвинивший соседа в совершении действий сексуального характера, войдя в кабинет, сразу демонстративно сел вполоборота к специалисту и на протяжении всей беседы старался не показывать никаких эмоций (сжимал губы, чтобы не улыбнуться), в ходе беседы был напряжен, смотрел в стену перед собой. При видимой в мимике и пантомимике смене эмоций мальчик продолжал избегать контакт.

Говоря об установлении контакта, также стоит упомянуть его динамику. Часто признаком внутреннего конфликта является то, что ребенок достаточно контактен и общителен в беседе на нейтральные темы, но резко прерывает контакт при переходе к разговору о криминальной ситуации, при этом мгновенно восстанавливает контакт, возвращаясь к нейтральным темам. В отличие от выпадения из контакта в результате травматических переживаний, прерывание контакта при сокрытии информации происходит резко и целенаправленно.

В той ситуации, когда ребенок вынужден исказить факты или что-то скрывать, его эмоциональное состояние остается стабильно напряженным с тенденцией к повышению напряжения, в то время как при рассказе о реальных травматических событиях напряжение возрастает по мере приближения к кульминации рассказа, после чего наступает заметная эмоциональная разрядка.

В ряде случаев, когда ребенок осознанно скрывает или искажает информацию, можно наблюдать, так называемый, «эффект горькой конфеты» – когда после следственного действия ребенка благодарят за хорошую работу и предлагают угощение или маленький подарок, он испытывает стыд, замешательство и негативные эмоции.

Еще один вариант поведенческой динамики, которая может указывать на установочное поведение, – это активная обвиняющая позиция. Например, четырехлетняя девочка на вопрос психолога, знает ли она о цели беседы, ответила «конечно, знаю, я пришла рассказать о том, что мой папа плохой человек, избивал маму и кусал мою писю». Далее при ответе на каждый вопрос, в том числе не касающийся ее отношений с отцом, девочка продолжала рассказывать, что ее папа очень плохой. После указала на предмет черного цвета и сказала, что ее отец «вот такой черный-пречерный», не демонстрируя в поведении никаких признаков тревоги и напряжения.

9. Взаимодействие с законным представителем

Чтобы оценить влияние искажающих факторов, необходимо отслеживать степень включенности и воздействия законного представителя во время следственного действия. Следует отмечать как прямое влияние на ребенка (инструкции, замечания, вмешательство в рассказ ребенка, эмоциональные и оценочные комментарии), так и косвенное эмоциональное воздействие (эмоциональные реакции, вздохи, повышенная двигательная активность).

Необходимо выявлять попытки осознанных и неосознанных манипуляций со стороны законных представителей, признаки противодействия следствию, устойчивость и коррегируемость попыток воздействия.

Анализ общей линии и отдельных элементов поведения законного представителя позволяет оценить его мотивацию, а следовательно выявить признаки наличия мотивации оговора и установочного поведения у ребенка.

Также следует отмечать, насколько ребенок ориентирован на реакции законного представителя, ищет его поддержки, обращается к нему, просит ответить за себя, включает его в эмоциональные манипуляции, позволяющие не отвечать самому.

В заключение хотим отметить, что важнейшими принципами нашего подхода к анализу показаний являются максимальная полнота и комплексность. Ни один из критериев, или даже блоков анализа, сам по себе не является достаточно надежным методом выявления искажений информации. При формулировании общих выводов необходимо сопоставить результаты анализа по разным блокам, рассмотреть имеющиеся противоречия и выявить их возможные причины. При анализе показаний важно рассмотреть все альтернативные гипотезы, объясняющие те или иные аспекты поведения ребенка. Если какую-либо из альтернативных гипотез невозможно исключить, опираясь на имеющиеся показатели, она должна быть отражена в выводах анализа.

Специалист, проводящий психологический анализ показаний, должен обладать обширными познаниями как в области возрастной и клинической психологии, так и в области психологии показаний (юридической психологии). Анализ поведенческих реакций несовершеннолетнего требует развитых навыков клинической психодиагностики детей и подростков.

Практика анализа показаний является новым направлением в отечественном уголовном судопроизводстве, но уже зарекомендовала себя как крайне востребованная следствием. При проведении доследственной проверки психологический анализ показаний несовершеннолетнего дает следователю возможность принять обоснованное решение об

отказе либо в возбуждении уголовного дела. При расследовании уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних, определение показаний, заслуживающих доверия, позволяет следствию сконцентрироваться на приоритетной версии.

В практике специалистов-психологов СК РФ психологический анализ показаний осуществляется в рамках исследования, а полученная информация является ориентирующей для следствия. Результаты оформляются в форме справки, содержание которой отражает ключевые признаки надежности или ненадежности показаний. Процессуальное закрепление выводов возможно в форме допроса специалиста.

Литература

1. *Васкэ Е.В.* Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. – 310 с.
2. *Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г.* Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47–56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306
3. *Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
4. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.* Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе: науч.-метод. пособие. М., 2001. 72 с
5. *Фрай О.* Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 284 с.
6. *Экман П.* Почему дети лгут? : пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 272 с.
7. *Ludewig R., Baumer S., Tavor D.* Aussagepsychologie für die Rechtspraxis «Zwischen Wahrheit und Lüge». Z.: Dike AG, 2017. 520 с.
8. *Fanetti M., O'Donohue W., Fondern Happel R., Daly K.* Forensic child psychology. Working in the Courts and Clinic. NJ: John Wiley & Sons, 2015. 340 с.

Possibilities of a Psychological Analysis of the Testimonies of Juvenile Witnesses and Victims in Criminal Proceedings

Karpova A.V., inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, lieutenant of justice, Moscow, Russia (tku-psy@yandex.ru)

Mikhailova Y.A., senior inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, senior lieutenant of justice, Moscow, Russia,, Россия

Chizhova D.S., PhD in Psychology, senior inspector of the third division of the Forensic Technology Directorate of Main Forensic Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation, senior lieutenant of justice, Moscow, Russia

The article estimates the issues of quality control, credibility and accuracy of testimonies of minor witnesses and victims. The scheme of psychological analysis developed by the authors of the testimony of minors in criminal proceedings based on the research and experience of both foreign and domestic experts is presented. The practice of psychological support for the investigation of crimes by psychologists of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation showed that a psychological analysis of the testimony is in top-requested in two cases in particular: as may be required as a quick assessment of the testimony of minors for urgent procedural decisions and when investigating crimes against sexual integrity, when the testimony of a child are key evidence. The article provides examples of the use of this analysis scheme in the investigation of specific criminal cases and the consideration of materials of pre-investigation checks.

Keywords: legal psychology, child legal psychology, psychology of evidence; investigative practice; minor participants in criminal proceeding; psychological support for crime investigation.

References

1. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliya [Psychology of interrogation of juvenile offenders and minor victims of sexual violence]. Moscow: Publ. Genezis, 2014. 312 p.
2. Dozortseva E.G., Afanasieva A.G. Otsenka dostovernosti svidetel'skikh pokazanii nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs] [Assessment of juveniles' testimonies validity]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2015. Vol. 4. no 3. pp. 47-56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306
3. Engalychev V.F., Kravtsova G.K., Kholopova E.N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii,

soobshchaemoi uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deistvii i operativno-rozysknykh meropriyatii) [Forensic psychological assessment to identify signs of reliability/unreliability of information reported by the participants of criminal proceedings (on videos of investigative actions and operational-search activities)]: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2016. 328 p.

4. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P. Psikhologicheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh v ugolovnom protsesse [Psychological assessment of minors in criminal proceedings.]. Nauchno-metodicheskoe posobie [Scientific and methodical manual]. Moscow, 2001. 72 p.
5. Frai. O. Lozh'. Tri sposoba vyyavleniya. Kak chitat' mysli lzhetsa, kak obmanut' detektor lzhi [Lie. Three methods of detection. How to read a liar's minds, how to deceive a lie detector]. Saint-Petersburg.: Praim-EVROZNAK, 2006. 284 p.
6. Ekman P. Pochemu deti lgut? [Why kids lie?]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 272 p.
7. Ludewig R., Baumer S., Tavor D. Aussagepsychologie für die Rechtspraxis «Zwischen Wahrheit und Lüge». Zürich: Dike AG, 2017 – 520 p.
8. Fanetti M., O'Donohue W., Fondern Happel R., Daly K. Forensic child psychology. Working in the Courts and Clinic. New Jersey: John Wiley & Sons, 2015 340 p.